

К 09
КГ-906

ГРУММ-ГРЖИМАЙЛО Г.Е.
КИРГИЗЫ.

Ленинград
1933

Рефераты

Г. Е. Грумм-Гржимайл

КИРГИЗЫ

Академический центр Наркомпроса ~~Киргизской~~ АССР в интересах познания истории киргизского народа обратился к академику ~~И. В.~~ Бартольду с просьбой дать систематизированный труд по этой истории, что и вызвало появление в 1927 г. книги названного ученого «Киргизы».

Знарок Арабского Востока, давший несколько ценных работ по исторической географии Ирана и бассейна Аральского моря, академик Бартольд был менее знаком с Центральной Азией и Алтайско-Саянским нагорьем, и это, конечно, не могло не отразиться на содержании озаглавленной книги, которая не дает нам того, что могла бы дать, будь она более сведущ в исторической литературе Монгольского Востока.

Последующее имеет своей задачей восполнить ее пробелы и осветить историю народа, присвоившего себе имя киргизского, в главных моментах его многовековой истории.

Согласно тому, что мы читаем у В. В. Бартольда, первое известие о киргизах мы встречаем у Сы-ма-цяня, который говорит, что в 201 г. до начала нашей эры хунны среди других племен, обитавших к северу от Гобийской пустыни, покорили и племя гэ-гунь — название, в котором ориенталисты видят китайскую передачу имени киргиз. Иероглифы гэ-гунь читаются также ги-гэ (ki-ko, kie-ko).

В «Вэй-шу» приведено следующее предание о происхождении турецкого народа. Предок турок был родом из владения Со, лежавшего к северу от хуннских пределов. Его потомок Ичжи Нишиду, отличавшийся сверхъестественной способностью производить ветер и дождь, имел четырех сыновей, из коих один обратился в лебедя, другой царствовал под именем Ци-гу между реками Абу (Абакан?) и Гянь (Кем), третий со своими подданными поселился на берегах р. Чу-си (у St. Julien'a — Чу-чжэ, Чуя, приток Катунь), и, наконец, четвертый, старший, прозывавшийся На-ду-лу, ушел в горы Ба-сы Чу-си-ши (верховий Чуи). Этого последнего народ избрал правителем с титулом ша под именем Ту-гю. Ему наследовал его младший сын Ашина, названный так, согласно обычаю, по фамилии матери. При потомке Ашина — Тумыне (Бумын-кагане) владения Ту-гю значительно разрослись, и государство это вступило в сношения с Китаем.

Анализируя это предание, А р и с т о в (1) пишет:

Владение Со должно было находиться к северу от Алтая, так как южные его склоны входили в пределы Хуннской державы. В настоящее время один из двух родов, из которых состоит Верхне-Кумандинская волость на р. Бии, около впадения в нее реки Лебеди, носит название «со», а другой — «кубанды» или «куманды» (2). Отсюда можно с достаточной долей вероятности заключить, что легендарный праотец турок происходил из племени со, обитавшего на севере от Алтая, и что род со является остатком этого племени. Даже тюркское слово «ку» значит «лебедь». Живущие на реке Лебеди тюрки и теперь зовут себя ку-кши, т. е. людьми (с) р. Лебеди. Из этого ясно, что «Вэй-шу» напрасно заставила сына Ичжи Нишиду превратиться в лебедя: он подобно остальным братьям, поселившимся в вышеназванных местах, водворился на реке Ку (Лебеди) и был родоначальником племени «ку», остатки которого и поныне обитают на р. Лебеди и в волостях Верхне- и Нижне-Кумандинских. Затем ци-гу (ги-гэ) есть одна из транскрипций имени кыргызы. А р и с т о в ссылается при этом на Дегиня (3), который в иероглифах ki-ko, kie-ko усматривает китайскую передачу этого имени.

Но это едва ли так.

Иероглифы в транскрипции Дегиня и St. Julien — ki-ko, kie-ko, представляют правильную передачу племенного названия «чю», которое носила одна из ветвей турецкого племени и которое неоднократно упоминается в истории Алтайско-Саянского нагорья (см. хотя бы надпись Селенгинского камня) (4) и автонекролог Тон'юкука). В

эпоху чики соседили с киргизами. Гипотеза эта устраняет необходимость считать киргиз согласно преданию племени родственным туркам, что было бы недопустимо прежде всего, как мы ниже увидим, с антропологической точки зрения, и объясняет преобладание короткоголового элемента в абаканских погребениях медного века. Турки никогда не считали киргиз родственными себе племенем, т. е. киргизами.

Изложенное отодвигает появление имени киргиз на страницах истории к более позднему времени, хотя не подлежит сомнению, что уже в хуннскую эпоху киргизы, как народ, существовали: за столетие до начала нашей эры, возведя взятую ими в плен китайского полководца Ли-лина в княжеское достоинство, хунны поручили ему управление народом хагя (согласно чтению в «Тан-шу»), т. е. киргизами.

Так как все свои сведения об Алтайско-Саянской горной стране китайцы той эпохи могли почерпнуть только у хуннов, то неудивительно, что ясного представления как об этой стране, так и о племенах, ее населявших, они не имели. Это отразилось и на записях, разобраться в которых до крайности трудно, и весьма возможно, что под именем «гянь», «гэ», «ги» они разумели не только чиков, но иногда и киргизов, которым только при Танах (618—907) стали присваивать неизвестно почему имя «хагя».

Chavannes (5) пишет, что колыбелью киргизского народа следует считать долину между Саянским хребтом и хребтом Танну-ола. Так оно и было в действительности. Ложе Улукема в то время еще не врезалось столь глубоко, как ныне, в почву этой долины, что доказывалось произведенными здесь раскопками могил, обнаруживших долихоцефалов и медную культуру только в погребениях верхней террасы.

Киргизы по словам китайцев, которые de visu познакомились с ними в VII в., были рослым, белокурым и голубоглазым народом, в характере которого было много гордости и независимости. Они указывают на их стойкость в бою. От них же мы узнаем о частых их войнах как с соседними турками и самоедами-меркитами, «э-чки» (ныне род эчжень сохранился среди косоголовских урянхайцев) и «ду-бо», так и с родственными им динлинскими племенами — северными бома (6), «ь-ло-чки», «цзюнь-ма», иначе — «би-ла» («би-цэ»?) (7), отличавшимися от них только по языку. На их частые войны и воинственность указывают как численное преобладание у них женщин (8), так и обычай никогда не расставаться с оружием (9). Они татуировались, но это право принадлежало только храбрейшим (10). Их верхняя одежда не могла быть короткой, так как подпоясывалась кожаным поясом с металлическим набором, на котором кроме оружия носились нож и точильный брусок. Их головной убор зимой состоял из меховой, летом из белой войлочной шляпы с тульской конической формы. Китайцы особо подчеркивают их обычай носить кольца в ушах. Это — динлинский обычай. ■

Киргизы вели полуседлый образ жизни и зимой жили в избах, крытых берестой, летом в палатках. Свои стойбища они обносили частоколом.

Они были хорошо знакомы с земледелием и на полях, окружавших их зимовья, возделывали пшеницу, просо, гималайский и обыкновенный ячмень. Китайцы пишут, что у них в употреблении были лишь ручные жернова; но найденные в долине Улукема, превосходившие один метр в диаметре, указывают на то, что для размолы зерна они пользовались также если не водяной, то лошадиной силой. Свои поля они орошали, отводя воду преимущественно из горных ручьев, но в Урянхайском крае сохранились также и каналы, находившиеся в связи с крупнейшими из притоков Улукема и по своим размерам долженствовавшие играть роль магистралей. Вода в эти каналы бралась иногда очень высоко в горах и проводилась затем поперек встречающихся горных отрогов по искусно врезанным в них водотокам, о чем свидетельствуют следы каменных кладок и подпорных стенок на утесах и высеченные в скалах лотки. Особенно ясно эти гидротехнические сооружения видны по рекам Иликему и Темир-суку, где сопровождающие эти реки древние оросительные каналы то лепятся высоко по скалам, то опоясывают расширения их долин.

Повидимому, площадь полей у киргиз была настолько велика, что необходимые им количества воды приходилось обеспечивать устройством искусственных резервуаров, откуда она затем и расходывалась по мере надобности. Следы таких заградительных плотин, сложенных из камня, сохранились, например, по рекам Турану и Уюку. Несомненно, что при таких условиях пользование водой требовало расчета и строгой регламентации и что в составе киргизской администрации должны были находиться лица, ведавшие водным хозяйством страны.

Все эти оросительные устройства, а равно и несокрушенное еще временем шоссе, соединявшее долины Улукема и Кемчика, и дорога, сопровождавшая левый берег Енисея в участке выше устья Кемчика и сооруженная по типу искусственных водотоков, наводят на мысль о высоком уровне той культуры, которая присуща была киргизам. Эта культура, как и культура минусинская, яркий след течения которой в западном направлении можно проследить до Урала и Биармии, в своей основе была китайской, Чжауской эпохи, перенесенной на Енисей динлинскими племенами, вытесненными из

своей прародины, бассейна среднего течения Желтой реки, китайцами не позднее V столетия до нашей эры.

У киргиз было свое письмо. С а в е н к о в (11) пришел к заключению, что енисейский алфавит значительно древнее орхонского, что он был заимствован с запада на несколько сот лет раньше последнего и что даже непосредственная эволюционная связь между обоими настоящими сомнительна, что приходится допустить, что оба алфавита являются самостоятельными ветвями и притом различного возраста.

Китайцы утверждают, что язык киргизов был схож с уйгурским (12); но если это и было так, то все же китайцы не могли уловить в нем остатков динлинского языка, а что они были, это доказывает хотя бы титул правителя народа — а-жэ (эш, ош, у южных динлинов — а-шэ, а-сы), удержавшийся, между прочим, также у коттов (13) в соединении с словом хан — «эш-хан»; несомненно, что были удержаны в киргизском языке из динлинского также и все термины, относившиеся к искусственному орошению полей, устройству плотин, постройке домов и водотоков, добыче металлов и проч.

Сказанного вполне достаточно, чтобы притти к заключению, что ни в антропологическом, ни в бытовом, ни даже в моральном отношении улукемские киргизы не имели ничего общего с теми киргизами, которых русские застали на Енисее, к северу от Абакана, и которые вели кочевой, частью охотничий образ жизни и земледелием не занимались, в физическом же отношении представляли народность тюркской расы; ничего общего, кроме связывавшего тех и других племенного названия. Рослые блондины вымирани, и на смену им селился среди их остатков менее культурный и мало деятельный черноволосый элемент. Киргизы его чуждались. По словам китайской летописи «черные волосы и карие глаза считались у них худым признаком»; но, как мы ниже увидим, уклоняться от насильного вселения в их среду этого элемента они не могли.

Этот процесс отмечен историей; но прежде, чем перейти к ее указаниям, следует остановиться на одном темном моменте киргизской истории.

В VII в. резиденцией киргизского а-жэ был город в долине Улу-кема; столетием позднее мы находим ее уже на Абакане. Чем было вызвано это ее перемещение, нам неизвестно; но оно должно было сопровождаться упадком земледельческой культуры, так как на Абакане последняя не получила развития.

Я уже имел случай отметить, что среди коренных киргиз женский элемент заметно преобладал. В VIII в. турецкий хан Мочжо, чтобы разредить киргизскую массу на Енисее, выселил отсюда некоторую их часть, заменив их турками. Так же позднее поступали с ними и другие завоеватели, не исключая монголов. Но в XI в. динлинский элемент среди них был еще настолько заметен, что Г а р д з и счел возможным писать о славянском их происхождении, так как «они отличались белым цветом кожи и рыжими волосами» (14). Он стал быстро исчезать в XII в., и в «Юань-ши» уже говорится об огромной убыли киргизского народа (15). Наконец, А б у л ь - г а з и (16) писал: «настоящих киргиз осталось очень мало; но это имя стали присваивать себе монголы, тюрки и другие переселившиеся на их прежние земли». А б у л ь - г а з и родился в 1605 г.; но S c h o t t совершенно верно отметил, что этот историк имел здесь в виду более раннюю эпоху. А б у л ь - г а з и об этих же киргизах еще писал: «положительно неизвестно ни происхождение этого народа, ни его родство с другими народами» (17). Как говорилось выше, турки также не считали коренных киргиз родственным себе племенем (18).

А б у л ь - г а з и рассказывает нам, как образовалась киргизская масса, встреченная русскими на Енисее. Здесь произошло то же, что произошло несколько ранее в Монголии, где, по словам Рашид эд-Дина, после того как Чингис-хан упрочил славу племени монгол, из которого сам происходил, «найманы, джелаиры, онгуты, «эраиты и другие племена, которые имели каждое свое особое имя, стали именовать себя монголами из желания перенести на себя славу последних, потомки же их возмнили себя издредле носящими это имя, чего в действительности не было».

В эпоху Чингис-хана киргизы распались уже на два улуса; в конце XVI в. на четыре, из которых три: Езерский (Исарский), Алтысарский и Алтырский кочевали на левом берегу Енисея, к северу от реки Абакана, четвертый, Тубинский, на правом, владея здесь всем бассейном Улсы (Тубы), заселенным их кыштымами. В начале XVIII столетия эти княжества были здесь уничтожены джунгарами, которые в 1703 г. и перевели 4000 киргизских семейств на юг, поселив их там в долинах Или и Таласа. Пятьдесят лет спустя (в 1758 г.) поселенные на Таласе сделали попытку вернуться на родину, но, с большими лишениями достигнув Алтайских гор, были в них рассеяны, и в настоящее время мы встречаем их кости среди кундровских и качинских татар, теленгитов, урянхайцев, сагайцев и казаков.

Так исчезли енисейские киргизы.

Так как тождественность енисейских и Тяньшаньских киргиз, подтверждающаяся, между прочим, существованием у тех и других одноименных костей (19) и некоторыми особенностями их языка (20), может считаться установленной, то были сделаны попытки объяснить нахождение киргиз в Тяньшане переселением туда этих последних с Енисея

в 1703 г. Но в настоящее время объяснение это должно быть оставлено (хотя и не вполне, так как часть этих киргиз в Тянь-шане все же осталась; сюда, между прочим, относятся кости беш-берен, тонторюп и кюркюрен), так как более глубокое ознакомление с историей Средней Азии выяснило несомненное существование в Тянь-шане киргиз в далеко более раннее время. Так, у Валиханова (21) я читаю следующие строки: «В «Кашгарской истории», называемой «Тарихи Рашиди», я нашел свидетельство, что киргизы уже кочевали в конце XV столетия в горах около Анджиана, во времена же самого историка (около 1520 г.) распространяли свои владения до озера Иссык-Куля». Еще более подробные указания на участие киргиз в событиях первой половины XVI столетия находим мы на стр. 125, 254, 339 и 348—351 того же сочинения—«The Tarikh-i Rashidi» of Mirza Muhammad Haidar, изданного N. Elias и E. D. Ross. К еще более раннему времени, а именно X в., относится свидетельство неизвестного автора географического сочинения «Границы мира» (22) о временном занятии киргизами города Аксу. Этот город был отнят киргизами у тяньшаньских уйгуров — известие очень важное, так как оно устанавливает факт вторжения киргиз именно в это время в пределы Тянь-шаня, ибо, живи они здесь согласно гипотезе А р и с т о в а, считающего их потомками усуней, раньше, они могли бы действовать против уйгуров только в качестве вассалов карлуков, и тогда их имя не попало бы на страницы рукописи Т у м а н с к о г о.

Это было время, когда киргизы, после разгрома уйгуров и занятия в 840 г. их столицы на Орхоне, продолжали преследовать их всюду, где те успевали прочно обосноваться. Отгеснив их за реку Хайдин-гол, они, как видно из показаний мирзы М у х а м м е д а Х а й д е р а, остались в Тянь-шане и здесь образовали ядро той народности, которая, слагаясь из элементов, постепено к нему примыкавших, удержала за собой это имя. Главную массу этой народности образовали буруты — название, которое джунгарами перенесено было частью и на киргизы, но сами буруты, соседившие с киргизами и на Саянах, его скоро утратили.

По мнению Р а д л о в а, название бурут могло произойти от «бър» (баур) — имени одного из отделений рода бугу, по мнению А р и с т о в а, от «бурю» — имени одного из родов отдела адгене. Мне кажется, что этот вопрос решается иначе, и я повторю здесь выказанное мной по этому поводу уже раньше (23).

Среди качинских татар, теленгитов, сагайцев и урянха на ряду с костью киргызимеется и кость бюрют (24), пюрют (25), пюрю или бурут. Последнее правописание мы встречаем у Р а д л о в а в «Observations sur les Kirghis» («Journ. Asiat.», VI serie, II, стр. 317, 1863), и в «Brieffe aus dem Altai» (Ermans «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», XXI, стр. 197, 1862), а также у П о т а н и н а в его «Очерках Северо-Западной Монголии», II, стр. 17, и С а м о й л о в и ч а в его статье «Турецкий народец

Рис. 1. Нурак-бий, киргыз рода Саяк, 35 лет. Долина р. Нарына.

Рис. 2. Джан-тюря, киргыз рода Кара-багыж, 40 лет. Ферганский хребет.

¹ Исправляю ошибку: в моем сочинении «Описание путешествия в Западный Китай», III, стр. 339, под этим снимком стоит подпись: р. Канлы.

хотоны» («Зап. Восточного отд. И. Русск. Археол. Общ.», XXIII, 1916), которые говорят о бурутской кости у хотонов. С л о в ц о в (26), писавший в первой половине XIX в., утверждал даже, что в Иркутском уезде, близ Манзурки, продолжал еще в его время существовать «клочок бурутов», что доказывает, что название это является народным именем, а не монгольским искажением того или иного тюркского родового названия. Та же кость встречается и у торгоутов. Еще в XVIII столетии монгольские племена не смешивали между собой киргиз ибурутов. Так, в показании мингатов (27) говорится, что в 1755 г. в долине Таласа на них напали китайские войска совместно с казаками и бурутами и многих из них побили; тогда те, которые уцелели, соединились с киргизами и телеутами и сообщая с ними решили вернуться на свои прежние земли в Алтае, но в 1756 г. были настигнуты китайцами и еще раз ими побиты; тем не менее, и после этого вторичного поражения некоторым киргизам и телеутам удалось добраться до Енисея.

Но что же это был за народ, буруты?

Б а н з а р о в (28) полагает, что буруты—один из вариантов слова бурят (29). В пределах Алтайско-Саянского нагорья слово «бурят» действительно передается в форме пырат (30). Но если это и не так, то все же остается несомненным, что некогда буруты жили в соседстве с бурятами в области, носившей название Барга, Баргуджин-токум. С ними соседили как киргизы, так и ойраты, что также указывает на то, что без достаточных этнологических оснований ойраты (джунгары) не могли перенести на тяньшаньских киргиз имени бурут, а что эти основания были, это доказывает имя барга, которое носит в настоящее время один из многочисленнейших киргизских родов. В Барге, согласно Р а ш и д - э д - Д и н у, жили бок-о-бок хори, сходные с ними тумэты и бургуты, по мнению Б а н з а р о в а — буруты, что находит подтверждение и в «Истории Чингис-хана» того же Р а ш и д - э д - Д и н а, где, на стр. 96, сказано: «племена урут и бурут пришли к нему и покорились». Эти племена были известны под общим именем баргут; жили же они, как говорит тот же историк в другом месте (31), в пределах страны, которой владели киргизы, и эта несомненная связь между обоими народами, установившаяся в Саянах, продолжалась засим и в Тянь-шане, куда буруты переселились, вероятно, в XIII в., подчиняясь общему движению народных масс, в котором также приняли участие и другие баргинцы, а именно хори, осевшие в Хангае после бегства из него найманов (1204).

Остановлюсь еще на одном интересном указании Ф. К о р ш а (32), который нашел, что тяньшаньские киргизы примыкают к алтайцам по одной весьма яркой черте, которая сближает их, между прочим, с бурятами и калмыками, именно следующей: если в корне находится *o* или *ö*, а в следующем за корнем суффиксе — звук *a* или *e*, то эти *a* или *e* переходят в *o* или *ö*; например, «кол» — рука, «кёл» — озеро; множественное число от них у большинства турок — «коллар», «кёлльёр», а по-киргизски (у тяньшаньских киргиз), как и по-алтайски, — «колдор», «кёлдьёр».

Родовой состав тяньшаньских киргиз вполне подтверждает вышеизложенное, так как в сравнительно немногочисленному ядру коренных киргиз, насчитывающему всего лишь несколько родов, примкнуло немалое число иноплеменных родов, которые в настоящее время и образуют главную массу этой народности. Некоторые из этих родов имеют очень давнее происхождение и должны были примкнуть к коренным киргизам еще на севере, как, например, род тулуй (тулус), кочевавший в Хангае еще в VII в., другие, как, например, роды бурутов, могли вселиться в Тянь-шань и здесь слиться с киргизами, как говорилось выше, не ранее XIII в., род же таит, включающий такую молодую кость, как кизыл-баш (33), должен был сложиться, а, следовательно, и войти в состав тяньшаньских киргиз не ранее XVI в. Род барга входит в состав отдела *адгене* — название, которое, по мнению А р е с т о в а могло принадлежать динлинскому языку и которое и до сих пор еще не затерялось на Саянском нагорье (*адыге*), как кость же—в род таит. Подотдел багышей (чон- и сары-багыш) своей прародиной считает Баргу — «землю бурят», если придавать значение преданию карагасов, выводящих свою кость бögбшэ из долины р. Тунки; это название было известно и русским в XVII и XVIII в.—Богучевский улус (34); багыши (бögбшэ) жили некогда и в Канском уезде. Согласно преданию, записанному Ф. Г е р н о м (35), род бугу поселился в Пржевальском уезде лишь во второй половине XVIII столетия после падения Джунгарского царства, до тех же пор кочевал где-то на юге (?), но и там он мог быть только пришлым, так как едва ли можно сомневаться в том, что в нем мы встречаемся с телеским племенем бугу (пугу), которое история выводит на сцену в IX в. после того, как их князь Цзунь, овладев Восточным Притяньшаньем, положил основание Уйгурской державе. В XIII в. уйгуры принимали участие как в походах Чингис-хана, так, вероятно, и в военных экспедициях его ближайших преемников; они принуждены были разбросать свои силы по всей Средней Азии и частью перейти на новые земли, как, например, в Хarezм; с падением же Бишбалыка и последние их остатки, сохранившие кочевой быт, покинули Уйгурию и переместились на запад; в начале XVIII в. еще жили, но уже в Карашаре, какие-то уйгурские князья, управлявшие местными кочевниками уйгурами, но затем известия о них прекращаются, вероятно, потому, что

со вступлением в киргизский союз они утратили свое народное имя, сохранив лишь родовое — бугу; судя по костям бопа (карлыкский род по-фу), толёс, конграт и монгулдур, в их современном составе имеется значительная примесь иноплеменников. Многочисленный род таит, о котором упоминалось выше, входящий ныне в отдел ичкилик, должен считаться осколком большого арабского племени таит, в VIII в. осевшего в Туркестане. Наконец, в состав тяньшаньских киргиз вошли кипчаки, найманы, канглы, аргыны (кесек), ктай (кидани), урянхи сарляры и монгуши и осколки других племен и народностей.

Сказанного достаточно, чтобы считать, что мы стоим на верном пути к разрешению вопроса о происхождении той народности, которая присвоила себе название «киргиз» (тяньшаньских киргиз). Подтверждает это и их физический тип, стоящий ближе к монгольскому, чем у остальных тюркских народностей, населяющих эту часть старого континента. Как объяснить себе этот факт, исходя из господствующего до сих пор в науке предположения, что современные тяньшаньские киргизы в главной своей массе представляют потомков коренных киргиз, т. е. отуреченных динлинов, и еще более из кара-киргизской гипотезы А р и с т о в а (36). Ясно выраженный, как следует из этой гипотезы, динлинский тип поселяется на местах, занимавшихся незадолго перед тем арийцами саками, вбирает в себя их остатки, живет в постоянном контакте с арийцами, арио-европейцами и уйгурами, тоже отуреченными динлинами, сталкивается, наконец, с карлыками, которых мусульманские писатели характеризуют «самым статным, самым рослым и самым красивым народом» между турками, и в результате всех этих смещений, как конечный тип, современный обитатель тяньшаньских сыртов, Алая и восточного Памира, в котором много монгольского и очень мало арийского! (37). Антропология, прошлое этого народа, говорят против гипотезы А р и с т о в а и вполне подтверждают высказанное выше предположение о той роли, какая выпала при образовании на долю выходцев из Барги и других иноплеменников.

На этом можно считать мою задачу оконченной. В истории киргиз три главных момента? исчезновение на верхнем Енисее коренных киргиз, неизвестно почему получивших у китайцев название в VII в. хагяс, и зарождение к северу от Саянского хребта народности, присвоившей себе это название, гибель и этой народности, и, наконец, образование новой уже в пределах Тянь-шаня из отделившейся сюда части коренных киргиз и примкнувших к ней иноплеменных народных частей. Эти моменты были оставлены В. В. Бартольдом без должного освещения, что и дало мне повод восполнить этот пробел, придав его «очерку» характер истории.

Засим, я пользуюсь случаем, чтобы исправить как явные опiski академика Бартольда, так и некоторые его определения, которые кажутся мне неправильными.

1. Сь-янь-то и уйгуров он считает турецкими племенами. Язык их, как и всех остальных телеских племен, был турецким, по происхождению же своему они были динлины. Китайские летописи это вполне подтверждают, считая уйгуров прямыми потомками динлинов. Последних они описывали волосатым народом. Эта особенность, судя по рисунку в «Гу-цзинь-гу-шу-цзи-чэн» (37), передалась и уйгурам. В «Тай-пин-хуань-жу-цзи», т. е. в Землеописании периода «Тайпин» (976—984), говорится, что уйгуры лицом походят на корейцев (38); эти же последние, если доверять Петровскому («Чаосянь». Очерки Кореи), в общей своей массе походят на европейцев как фигурой, так и лицом, в особенности же светлорусыми волосами и голубыми глазами. Петровскому, очевидно, видел только северных корейцев, на юге же тип этот довольно редок. Между прочим его встречал здесь de Rosny (39). Китайцы изображают уйгура человеком с толстым носом, большими глазами, густыми бровями и с сильно развитой волосистой растительностью на лице и всем теле и, между прочим, с бородой, начинающейся под нижней губой, и пышными усами. Уйгуры носили кольца в ушах — вполне динлинский обычай, на что мне уже приходилось указывать.

2. На стр. 13 В. В. Бартольд, очевидно следуя Радлову, который путь Тоньюкука через Кюгменский хребет выводил на реку Амыл и таким образом перенес это название далеко на восток, пишет, что восточные турки в своем зимнем походе на чиков и киргиз использовали путь через горы, громоздящиеся на восток от Енисея. Но это едва ли так. Если считать установленным, что в это время ставка киргизского а-жэ находилась в долине Абакана (Ань?), то название Кюг-мен может относиться только к западной части Саянского хребта, которая действительно и отличается своей недоступностью: как об этом пишет и Тоньюкук, через нее имеется только один перевал — Шабиндаба. Клеменц, прошедший этот перевал зимой, утверждает, что ему пришлось испытать на нем все те трудности, о которых повествует и названный полководец.

3. На стр. 30 Бартольд относит решительное поражение найманов и их союзников в их столкновении с Темучином ошибочно к 1206 г. Оно произошло в 1204 г.

4. Год смерти Тулуя указан им на стр. 31 не вполне точно. Тулуй скончался в октябре 1232 г.

5. На стр. 43 Бартольд пишет, что в шестидесятых годах XVII столетия положение дел на Енисее изменилось в пользу русских, притом до такой степени, что в 1666 г. даже хун-тайчи Сэнгэ согласился вступить в русское подданство. Я не знаю, откуда почерпнул он это известие, но оно находится в явном противоречии с тем фактом, что Сэнгэ в 1667 г. простер свой набег на русские земли вплоть до гор. Красноярска (Pallas—*Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*, I, стр. 40).
6. На стр. 47 Бартольд говорит, что Давац был братом Амурсаны. Это—ошибка. Между ними не существовало никакого родства.

Сентябрь 1933 г.

Примечания

1. «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» («Живая Старина», 1896, III, отд. оттиск, стр. 5).
2. Radloff—*«Aus Sibirien»*, I, стр. 211—212.
3. *«Histoire générale des Huns»* etc., I, 2, стр. 379.
4. «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела И. Русск. Географического Общ.», XV, I, 1912.
5. «T'oung Pao», série 2, VI, стр. 559.
6. Южные бо-ма населяли южную Гань-су. См. Грумм-Гржимайло—*«Западная Монголия и Урянхайский край»*, т. II, passim.
7. Согласно «Тан-шу», бо-ма, би-цэ и о-ло-чжэ были названиями одного и того же народа.
8. Иакинф—*«Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»*, I, 2, стр. 443.
9. Нитх—*«Geschichte des Buddhismus in der Mongolei»*, II, стр. 33.
10. Этот распространенный среди первобытных народов обычай (его не обошли и китайцы) не был, повидимому, знаком туркам и тем племенам, которые с XIII столетия получили название монгольских, в виду чего существование его у киргиз следует считать динлинским наследием. О существовании этого обычая у племен, относимых к южным динлинам, пишет Legendre—*«Races aborigènes»* в «T'oung Pao», 2 série, 1909, X, стр. 377. См. также Chavannes—*«Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien»*, IV, стр. 2.
11. «О древних памятниках изобразительного искусства» в «Труд. XIV Археолог. Съезда», т. I, стр. 335.
12. Иакинф, *op. cit.*, стр. 446.
13. Котты—когда-то многочисленное, ныне же окончательно вымершее племя так называемых енисейских остяков. Последних представителей этого народа Кастрен встретил в 1847 г. в долине р. Агула, притока Кана (*«Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker»*, 1857, стр. 88).
14. В. Бартольд—*«Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью»* в «Зап. И. Академии Наук», 1897, VIII, серия I, № 4, стр. 109.
15. Schott—*«Ueber die ächten Kirgisen»* в *«Abhandl. d. köngl. Akad. d. Wiss. zu Berlin»*, 1864, стр. 453.
16. Schott, *ibid.*, стр. 445; «История Абуль-гази», перев. Саблукова и Березина в «Библиотеке Восточных Историков», III, ч. I, стр. 41; b a r. Desmairisons—*«Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-ghazi Bahadour-khan»*, II, стр. 43; Klapproth—*«Sur quelques antiquités trouvées en Sibirie»* в «Journ. Asiatique», 1823, II, стр. 6.
17. Klapproth—*«Mémoires relatifs à l'Asie»*, I, стр. 161.
18. Radloff—*«Die alttürkischen Inschriften der Mongolei»*, III, 1895, стр. 425; Ниртх—*«Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk»*, стр. 41.
19. Radloff—*«Observations sur les Kirghis»* в «Journ. Asiat.», 1863, 6 série, стр. 316.
20. Наливкин—*«Краткая история Кокандского ханства»*, стр. 16.
21. «Очерки Джунгарии» в «Зап. И. Русск. Географ. Общ.», 1861, 2, стр. 46.
22. Бартольд—*«Очерк истории Семиречья»* в «Памятной книжке Семиреченской области на 1898 г.», стр. 19.
23. «Западная Монголия и Урянхайский край», т. II, стр. 535 и след.

24. Н. Козьмин — «Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае» в «Изв. Вост.-Сибирского отдела И. Русск. Географ. Общ.», XIV, стр. 48, 1916.

25. Н. Катанов — «Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1898 г. в Минусинский округ Енисейской губ.» в «Учен. Зап. Казанского универс.», отд. оттиск, стр. 95, 1897.

26. «Историческое обозрение Сибири», стр. 13, изд. 1886.

27. Г. Н. Потанин — «Материалы для истории Сибири» в «Чтениях в И. Общ. истории и древностей росс. при Моск. универс.» IV, 1866.

28. «Об ойратах и уйгурах» в «Библиот. восточн. истор.», I, прил. V.

29. Schmidt в «Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses», стр. 473, высказывает даже следующую мысль: «Kirgisen (Buraten) bildeten höchst wahrscheinlich mit den Burjäten und Teilengud eine Nation, wie den jetzt noch die östlichen Kirgisen ihren alten Namen Burat bei den Kalmüken behalten haben».

30. М. Катанов — «Поездка к карагасам» в 1890 г. в «Зап. И. Русск. Географ. Общ. по отдел. этнографии», XVII, 2, стр. 141, 1891.

31. «История монголов». «Введение», стр. 87.

32. «Классификация турецких племен по языкам» в «Этнограф. Обзор.», кн. LXXXIV—LXXXV, отд. оттиск, стр. 14, 1910.

33. Турки кизыл-баши, получившие это прозвище от красных верхушек тюбанов, выступили на историческое поприще при шахе Исмаиле (1499—1524), который с их помощью объединил под своей властью всю Персию. Они служили оплотом шиитской династии Сефевидов (1499—1722) против сонников узбеков Хивы и Бухары и османов.

34. «Дополнения к Актам историческим, изд. Археограф. Комиссией», VIII, № 15; «Памятники Сибирской истории XVIII в.», кн. 1, № 59.

35. Цит. у Аристова («Опыт выяснения этнического состава кирг.-каз. Большой орды и кара-кирг.», стр. 439). Подтверждается это известие и «Си-юй-ту-чжи» (Imbault-Huart — «Recueil de documents sur l'Asie Centrale» в «Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», 1881, XVI, стр. 152).

36. Аристов в своих исследованиях — «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей» («Живая Старина», 1896, III и IV, отд. отт., стр. 121) и «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов» («Жив. Ст.», 1894, III и IV, стр. 450—451), приходит к нижеследующим положениям:

1) современные Тяньшаньские киргизы суть прямые потомки пришедших в Западный Тяньшань из средней Монголии за полтора столетия до нашей эры усуней;

2) усуней составляли лишь часть коренных киргиз, отделившуюся от оставшегося на Енисее народа, который вскоре (?) сделался известным китайцам под настоящим своим именем;

3) усуньский народ в средней Монголии состоял не из одних киргиз, но представлял собою союз тюркских родов, во главе которого стоял усуньский отдел киргиз;

4) общие предки усуней и киргиз (енисейских) — древние киргизы — произошли из смешения тюрков с динлианами, которые были одним из племен древней североазиатской длинноголовой и светлоокрашенной расы, и

5) различия между тюркскими племенами могут быть объясняемы помесью тюрков с различными племенами той же длинноголовой расы, с самоедскими и с угро-финскими.

Он не в достаточной мере, однако, осветил тот материал, который привел его к этим выводам.

37. Г. Е. Грумм-Гржимайло — «Описание путешествия в Западный Китай», т. III, стр. 63; Д. Позднеев — «Исторический очерк уйгуров»; Schlegel — «Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun» в «Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne», 1896, IX; Münsterberg — «Chinesische Kunstgeschichte», I, стр. 10.

38. Schott — «Zur Uigurenfrage» в «Abhandlungen der kōnigl. Akad. der Wissenschaft. zu Berlin», phil.-hist. Klasse, 1875, стр. 48; St. Julien — «Notices sur les pays et les peuples étrangers» в «Journ. Asiat.», 4 série, IX, 1877, стр. 199.

39. «Les Coréens». «Aperçu ethnographique et historique».

Прилагаемые фотографические снимки исполнены были мною в 1886 г. во время моей поездки в Тяньшань.